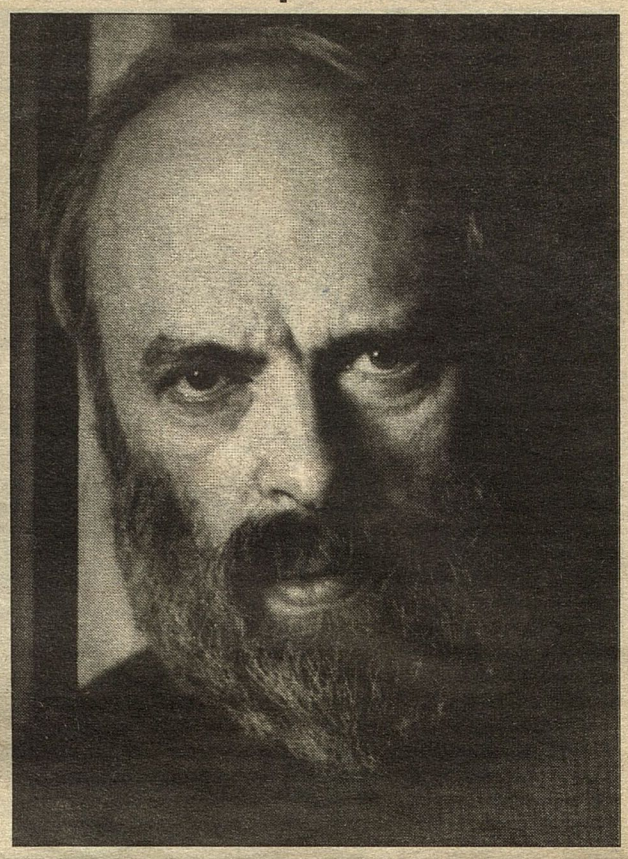
Новая газ. - 2002. - 23 янв. - с. 21.



КОРНИЛОВСКИЙ МЯТЕЖ СОВЕСТИ

Ушел поэт Владимир Корнилов. Осталась боль. Остались стихи, в которых тоже боль. Публикуем последние, неизвестные читателям

Владимир Корнилов умер, как жил, — трудно и негромко, словно стесняясь обременять собою общественное внимание. Он, наверное, в русской поэзии один из немногих поэтов, у которых дистанция от стиха до поступка минимальна. Зато обратная дистанция — от поступка до стиха — была у Володи огромная: вы не найдете в его творчестве стихов, посвященных, скажем, его многолетнему диссидентству, отверженности, посвященных тому, как ему приходилось работать грузчиком в булочной или тайком переводить случайные стихи и печатать их под чужими фамилиями.

Володя был высокого накала, высокого каления русский интеллигент — с постоянными сомнениями в своей нужности, талантливости, правильности совершённого. При этом я не знаю случая, когда Владимир Николаевич Корнилов изменил бы себе. Когда оттепель сходила на нет и все мы мучались, разрабатывая каждый для себя спасительные идеологемы собственной веры, позволяющие жить нестыдно, примиряясь с происходящим вокруг, в это самое время в поэме «За полночь» Володя сформулировал свой отказ участвовать во всех этих играх так:

Вера — как в карты пас,
коль рисковать
не хочется.
Вера — это боязнь
полного одиночества.
Думают, вера — стяг,
вскинутый откровенно,
А на поверку — страх —
вот что такое вера.

И в самой последней при жизни вышедшей книжке он снова пишет о том, что все-таки предпочтительнее жить и думать не в стаде, жить и думать одному, самому совершать поступки и самому за них отвечать и мучиться несовершенством жизнеустройства. Может быть, именно поэтому большинство поступков, совершенных Корниловым, были поступками свободного человека.

Первые две его книжки, начиная с книжки «Пристань», были событиями в то далеко не бедное хорошими поэтами время. Он припоздал выходя, однако был замечен и был обласкан, но в его стихах уже тогда был вот этот корявый, самоедский, очень русский Володин характер и какая-то особенная пронзительная честность, иногда даже казалось — в ущерб звуку, в ущерб красоте слова...

Володю любили поэты, Володю ценили читатели, а когда пришлось выбирать между стезей соглашательства и отверженности, Володя выбрал отверженность. Я помню звонок по телефону и необычно застенчивый Володин голос: «Вот я тут один стишок перевел... Я могу?». Я говорю: «Конечно, ты можешь!». Володю не только не печатали, но и само имя его не должно было появляться в печати, и поэтому были несколько человек, под фамилиями которых Владимир Николаевич Корнилов мог печатать свои переводы. Время, которое ныне вызывает кое у кого слюнявую ностальгию, властно командовало: писатели — в стойло, писания — в стол!

По счастью, это был период, когда Корнилов на довольно длительное время ушел от стихов и писал прозу, потому что, конечно же, если можно скрыть авторство переводов, то столь сильная, ни на кого не похожая муза Корнилова, появившись под чужой фамилией, очень быстро потеряла бы свое инкогнито, и весь наш дружеский заговор, дававший Володе лишние два десятка рублей в месяц, развалился бы.

У Владимира Николаевича Корнилова до последних дней сохранялось удивительное качество: он все время ощущал себя болевой точкой этой страны и этого времени. Наверное, это хоть и несправедливо, но естественно, что болевая точка выросла за последнее десятилетие до размеров раковой опухоли.

Одно из стихотворений, написанных им за последние два года, кажется мне диагнозом, поставленным времени, диагнозом, поставленным не благополучным доктором, умывающим руки после осмотра больного, — это диагноз, который само время через Корнилова поставило себе.

Считали, все дело
в строе,
И переменили строй,
И стали беднее втрое
И злее, само собой.
Считали, все дело в цели,
И хоть изменили цель,
Она, как была, доселе
За тридевятью земель.
Считали, все дело
в средствах,
Когда же дошли
до средств,
Прибавилось
повсеместно
Мошенничества
и зверств.
Меняли шило на мыло
И собственность
на права,
А необходимо было
Себя поменять сперва.

Смерть Володи — это очень большое горе, это очень большая рана. И нет таких лекарств, которые могли бы как-то облегчить, затянуть рану, образующуюся в жизни и в литературе после смерти таких поэтов, как Владимир Корнилов.

● Алексей СИМОНОВ

Владимир КОРНИЛОВ

НЕ МОЯ ЭПОХА

ПРОЛОГ

Не итогом, а только прологом
Оказались и жизнь, и судьба.
Убежавшим с уроков пророком
До сих пор ощущаю себя.

Правда, напрочь изношено тело,
А другого — увы! — не дано,
Но беспечности нету предела
И доверчивости — заодно.

Что томило меня, то осталось
Полстолетья с довеском
спустя...
Перед миром я — рухлядь
и старец,
Перед словом — все то же дитя.
2001

ЯРМАРКА

Ехал на ярмарку ухарь-купец,
Рядом лихие напарники,
Ухарь-купец, удалой молодец,
Ехал покуда не с ярмарки.

Ехал туда, куда сила влекла.
Погарцевал меж палатками,
Меж балаганов куражил слегка
И меж цветными прилавками.

Ехал по ярмарке ухарь-купец,
Рядом с ним легкая паника,
Ехал купец — и всей сказке конец:
Долго не тянется ярмарка.

Ухарь-купец, не спеши, погоди...
Радостного и веселого
Много в пути, если всё впереди,
Худо в другую гнать сторону.
2001

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Аристократы, древние греки,
Храмы и статуи — это не мы.
Мы человеки, полукалеки,
Мы для сумы, а верней —
для тюрьмы.

С суши на море, с моря на сушу
Нас не тащил хитрозадый
Улисс.
Не бороздить нам Эгейскую
лужу
И не царить средь всемирных
кулис.

Нам безразлично, что вешать
на древко,
Вытащив нож, толковать
по душам...
Вождь и пророк у нас
каторжный Федька,
И предводитель наш
из каторжан.
2001

ЭПОХА

Не различу, прекрасна ли,
убога,
Не разберу, слаба или сильна,
Да только это не моя эпоха,
И это вовсе не моя страна.

Та и другая будто неживая,
Куда живей кладбищенский
покой,
С того и оставаться не желаю
В другой эпохе и в стране
другой...
2001

СВЕТ ОТ ЛАМПЫ

Свет от лампы — отнюдь
не коварный —
Не назвать мне «прости
и прощай»...
Маловаттный, к тому ж
прикроватный,
Он приносит не только печаль.

Не проходит ознобом по коже,
Он ведь — успокоение весь,
В нем всего и милей, и дороже,
Что со мной он и полностью
здесь.

Всё, как есть, перепуталось
ныне,
И недели длинней, чем года,
И сильней, и тревожней, родные,
Я люблю вас, от вас уходя.
2001